

Электронная библиотека
Гражданское общество в России

Е. С. Крестинина

Репрезентация образов «другого»
в дискурсе российского общества
(2000-2008)

Электронный ресурс

URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Krestinina_RAPN.pdf

URL: <http://www.civisbook.ru>

**Пятый Всероссийский конгресс политологов
Москва, 20-22 ноября 2009 г.**

**РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОБРАЗОВ «ДРУГОГО» В
ДИСКУРСЕ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА
(2000-2008 гг.)**

Екатерина Сергеевна КРЕСТИНИНА

соискатель,
Центр сравнительных социально-экономических
и социально-политических исследований,
Институт мировой экономики и международных отношений РАН,
Москва

Доклад представлен на Пятый Всероссийский конгресс политологов.

Сессия:

T8 «Политическая социология».

Специальное заседание:

T8-4 «Модели взаимодействия социальных групп российского общества».

22 ноября 2009 г.

С 2000 года в РФ произошли серьезные изменения, нашедшие свое отражение в общественном сознании и повлиявшие на идентичность общества. В этой связи представляется актуальным изучение трансформации социально-политической идентичности общества и в частности – трансформации образов "другого", как одной из составляющих идентичности, и их репрезентации в общественном дискурсе.

Теоретико-методологические основы исследования

В качестве ключевых концептов исследования выступают понятия "дискурса" и "идентичности".

Для социальной идентичности одним из основополагающих моментов формирования является отделение нас от не-нас, т.е. "других". Т.к. осознание своей принадлежности к некоей общности возможно полностью только в результате не просто осознания своего сходства с данной общностью, но и отличия членов этой общности от других, т.е. идентичность всегда обладает каким-то более или менее явными границами.

Внутри границ создаются сообщества, которые могут быть сколь угодно большими по своим объемам. При этом в качестве границ они будут восприниматься только в том случае, если внутри группы существует четкое представление о наличии общности (т.е. самоопределение относительно того, что каждый из членов принадлежит к некоей общности). Механизм выделения "другого" описан в теории социальной идентичности Г.Тэшфела, который доказал что групповая идентичность неизменным следствием имеет социальное сравнение (т.е. сопоставление "своей" группы и тех, кто в эту группу не вошел). Следствием этого сравнения является "социальная дискриминация" – обособление "своей" группы и противопоставление ее другой группе.

В числе подходов к взаимоотношению "своей" группы с группой "других" представляется значимым подход, который И.Нойман обозначил как "этнографический"¹. Основное внимание сосредотачивается на "диакритиках" – специфических, значимых для группы маркерах границ идентичности. Собственно наличие этих маркеров у одной из групп и отсутствие их у другой и позволяет членам группы идентифицировать своих и противопоставить себя остальным. Переоценка маркеров и переосмысление границ ведет к реидентификации, которая способствует изменению границ между группами. При этом сами границы, разделяющие группы могут быть как ярко выраженными и четко определенными, так и эфемерными и не всегда до конца осознаваемыми даже внутри группы.

¹ Нойманн И. Использование "Другого". Образы Востока в формировании европейских идентичностей./Пер. с английского В.Б.Литвинова и И.А.Пильщикова. Предисл. А.Миллера. – М.:Новое издательство, 2004. – стр. 29-33

На социальном уровне, для групповой идентичности важен базис, на котором она выстраивается, а именно некая общая консолидирующая идея. Данная идея может быть связана со значимыми событиями в прошлом, либо будущем и должна в целом разделяться всеми членами группы, часто идея предстает в виде некоей мифологизированной утопии. Можно выделить два вида утопии. Позитивная утопия связана с идеализацией некоего состояния группы ("золотой век") и стремлением к его достижению. Негативная утопия представляет собой катастрофический для группы сценарий ее развития (распад, уничтожение и т.п.) предполагается сплочение перед лицом данной угрозы и принятия всех возможных мер по недопущению реализации данного сценария.

Также составляющей частью групповой идентичности является общее символическое и коммуникативное пространство. Это не всегда означает общность языка (группа может быть разделенной по языковому признаку или иметь общий язык с более глобальной общностью), просто члены группы должны иметь некие общие коммуникативные практики или единые символы, за счет которых они смогут друг друга идентифицировать, как членов единой группы.

Учитывая вышесказанное, дадим определение идентичности применительно к группе. *Идентичность – состояние группы, характеризующееся высокой внутригрупповой сплоченностью, разделением базовых, для данной группы, ценностей, данное состояние существует в определенных границах, наличие которых также признается членами данной группы и отделяет их от не-членов. При этом признание существования "других", по отношению к данной группе, не обязательно подразумевает враждебное к "другим" отношения.* Идентичность группы не является статической и может изменяться как изнутри, под воздействием изменений в поведении индивидуальных членов группы, так и извне, под воздействием более широких общностей и социальной среды в целом.

Говоря о функциях идентичности, социолог В.А. Ядов отмечает, что осознание принадлежности к определенной общности подчиняет индивида данной общности, встраивает в социальную иерархию, в тоже время через идентичность индивид или группа приобретают чувство защищенности и критерии для оценки и самооценки¹. Идентичность помогает личности занять определенную диспозицию в системе социальных взаимодействий – т.е. обладает интегративной функцией. Интеграция и адаптация происходит за счет внутригрупповой коммуникации. Сторонники символического

¹ Ядов В.А. Социальные и социально-психологические механизмы формирования социальной идентичности личности//Мир России. 1995. Т. 4. № 3-4. С. 158-181.

интеракционизма (Ч.Кули, Д.Мид, Т.Шибутани) указывают, что индивид перенимает ценностную и коммуникативную структуру группы, усваивая ее и делая элементом собственной культуры, соответственно, принимая определенные роли, статусы и требования к ним. При несовпадении уже усвоенных ролей и их оценок возникает необходимость "переориентации" в новых условиях и, как возможное следствие, кризис идентичности.

Как указывалось выше, групповая идентичность существует в определенных границах, которые, как правило, символически опосредованы. Дифференцирующая функция идентичности проявляется в том, что через усвоение ценностей "своей" группы, происходит рефлексия "других" групп и, как следствие, обозначение разделений между группами.

За счет сочетания дифференцирующей и интегрирующей функций идентичности, межгрупповые отношения связываются в систему и упорядочиваются. Для понимания данных функций идентичности Ф. Черутти предлагает рассматривать ее в двух измерениях, как идентичность-зеркало и идентичность-стену.

Идентичность-зеркало, понимается как саморефлексия, связанная с постоянными дебатами вокруг общих целей и ценностей и их адекватности существующей обстановке, поэтому важен тот факт, что идентичность, установившись, находится в постоянном развитии и не является статической характеристикой группы.

Как стена, идентичность отмечена наличием двух характеристик: стена как опора и стена как граница. Как опора, стена дает группе (нации, локальной общности, партии) устойчивость и индивидуальность – необходимые условия для возможности внутригруппового взаимодействия. Как граница, она указывает на различия, как на что-то, что делает взаимодействия с другими группами возможным, независимо от того, является ли взаимодействие дружественным или враждебным. В этой связи, Черутти весьма спорным представляются воззрения постмодернистов, считающих образ "другого" ключевым для построения идентичности. "Тот факт, что наличие идентичности влечет за собой нахождение внутри стены не говорит нам ни о высоте этой стены и о том, сколько ходов и окон она имеет, ни о том собираемся ли мы находиться возле ходов и дверей для того чтобы дружески приветствовать других или стрелять и плевать в них."¹. Гипертрофированный (в рамках паттерна "друг-враг") образ другого, по мнению Черутти, характерен для патологических форм политики и идентичности в частности фашизма².

¹ A Soul for Europe: on the political and cultural identity of Europeans/ Furio Cerutti, Enno Rudolph (eds.), Peeters Leuven – Sterling Virginia, 2001, p. 5

² A Soul for Europe: on the political and cultural identity of Europeans/ Furio Cerutti, Enno Rudolph (eds.), Peeters Leuven – Sterling Virginia, 2001, p. 6

Мобилизующая функция идентичности, связанная, как правило, с активизацией в общественном сознании негативной утопии, чаще всего проявляется в межгрупповом взаимодействии, в особенности – конфликтном.

В числе прочих базисов идентичности могут выступать и политические факторы. Говоря о феномене политической идентичности, можно выделить два "теоретических полюса" в рамках которых она может быть определена.

Первый подход к определению политической идентичности может быть обозначен как "институциональный". С этих позиций, политическая идентичность локализуется вокруг групп и институтов, непосредственно связанных со структурой политического: партиями, государством, гражданством и т.п. и только по вопросам выработки политического курса, т.е. непосредственно с осуществлением власти и властных отношений.

Однако часто в поле политического попадают идентичности, которые изначально не были политизированы (например, языковая, гендерная, культурная, этническая и другие), но защита которых требует участия в политике. Соответственно, с подобных позиций, под *политической* идентичностью можно понимать любую *политизированную* идентичность. Говоря о политизированной идентичности часто сложно определить грань ее начала. По нашему мнению, политизированная идентичность становится с момента выдвижения группой требований, так или иначе связанных с властью (претензиями на власть, требованиями (не)вмешательства власти и т.п.) Таким образом, в рамках второго подхода, политической может быть как институционализируемая политическая идентичность, так и неполитическая идентичность в результате политизации.

Мобилизующий потенциал идентичности, ее способность к политизации и имманентность групповой природе общества делают этот феномен политически значимым. Проявление идентичности в политике можно описать при помощи трех метафор: вызова, инструмента и сферы/способа взаимодействия. Это разделение скорее теоретическое, в политической практике проявление идентичности имеет комплексный характер.

Вызов, в данном контексте, понимается автором как совокупность требований и/или ожиданий, тем или иным образом выдвигаемых властям со стороны социальных групп с целью защиты и обеспечения базиса своей идентичности. Соответственно, определенным образом реагируя (действием или бездействием) на данный вызов, власть вынуждена соотносить свою политику с существующими идентичностями. В свою очередь то, насколько власть отвечает выдвигаемым со стороны групп требованиям, касающимся идентичности и насколько ценности, положенные в качестве базовых для

идентичности групп соответствуют ценностям, пропагандируемым властью, может оказывать влияние на уровень легитимности власти в обществе в целом или среди отдельных социальных групп.

В силу того, что идентичность может влиять на уровень легитимности тех или иных политических сил, они (силы) могут проявлять заинтересованность в управлении идентичностью. Учитывая, что идентичность частично устанавливается за счет конструктивистского воздействия на группу (средствами пропаганды, манипуляции либо через постепенную трансформацию повседневных практик), а также то, что идентичность обладает значительным мобилизующим потенциалом, политические силы могут использовать идентичность как инструмент достижения определенных целей. Т.е., апеллируя к тем или иным идентичностям групп(ы), актуализируя или, напротив, деактуализируя определенные виды идентичности и, как следствие, набор ценностей, мифов и символов, на которых они базируются, возможно воздействовать на групповое поведение и мнение. На проблему взаимосвязи уровня проявления идентичности с уровнем политической активности существуют различные точки зрения, в том числе и преувеличивающие значение идентичности, как фактора, влияющего на социальное и политическое действие¹. В целом взаимосвязь идентичности и социальной и политической активности описал Р.Патнем: идентичность в зависимости от особенностей ее построения формирует определенный тип социального капитала. В случае, если речь идет о локальных группах с высокой степенью внутренней гомогенности, с гипертрофированным образом "другого", ориентированных на внутригрупповое взаимодействие, идентичности формируют "цементирующий" (bonding) социальный капитал. Если же идентичность групп имеет весьма прозрачные и гибкие границы, образ "другого" не гипертрофируется, и члены группы ориентированы на установление межгруппового взаимодействия или даже расширения границ идентичности (либо приобретение новых идентичностей), то можно говорить о "связывающем" (bridging) социальном капитале. Соответственно, в зависимости от распространенности типов идентичности, можно говорить о разном уровне социального доверия, социальной вовлеченности, а также политического участия. По мнению Патнема, это взаимосвязанные факторы: "люди, которые являются членами ассоциаций, с гораздо большей вероятностью будут проявлять политическую активность, общаться с соседями, демонстрировать социальное доверие и т.п., чем те, кто членами не является"².

¹ См. например Андерсон Р.Д.(мл) Каузальная сила политической метафоры//Политическая лингвистика №22, 2007 с. 7-18.

² Robert D. Putnam Bowling alone: America's Declining Social Capital//Journal of Democracy 6:1, Jan 1995, p.73

Идентичность как сфера взаимодействия является объектом для политического регулирования. Особенно четко это можно проследить в случае, если в обществе наблюдается излишняя актуализация идентичности. Политолог А.Лейпхарт в своей работе "Демократия в многосоставных обществах" отмечает, со ссылкой на Экштейна, что особый тип политического урегулирования может потребоваться в обществе, где существуют "сегментарные различия", т.е. "линии политического противостояния частично, а особенно полностью, совпадают с линиями социального разделения общества [...]Сегментарные различия могут иметь религиозную, идеологическую, языковую, региональную, культурную, расовую или этническую природу"¹. В этом случае, идентичность является сильным мобилизующим фактором и, как отмечалось выше, детерминирует как социальную, так и политическую активность групп, в том числе в виде формулирования группами определенных требований к властям, касающихся поддержания базиса идентичности. Соответственно, власть, проводя определенный политический курс (в теории Лейпхарта на установление общественной демократии), вынужденно воздействует на сферу идентичности. Однако политическая значимость идентичности как сферы повседневного взаимодействия прослеживается не только в многосоставных обществах. В частности, идентичность взаимосвязана с механизмом лояльности: определенный набор идентичностей порождает лояльность ценностям и/или институтам, которые эту идентичность питают и поддерживают, соответственно, многообразие идентичностей во многом определяет рельеф социальных и политических взаимоотношений.

Таким образом, обобщая вышеуказанные подходы, определим, что под *политической идентичностью автор понимает любую идентичность, вовлеченную в поле политического в качестве (одном или нескольких): совокупности требований власти со стороны групп(ы), инструмента политического управления и/или сферы политического регулирования.*

Одним из методов содержательной диагностики состояния идентичности является дискурс-анализ. Согласно определению, данному в "Социологической энциклопедии": *Дискурс - это совокупность типичных для определенного социального сообщества практик коммуникативного взаимодействия, имеющих фиксированные вербальные и невербальные выражения*². В монографии по дискурс-анализу Филиппс и Йоргенсен авторы в качестве рабочего берут определение дискурса "*как способа общения и*

¹ Лейпхарт А. Демократия в многосоставных обществах: сравнительное исследование/Пер, с англ, под ред. А.М. Салмина, Г.В. Каменской. — М.: Аспект Пресс, 1997. — с. 37

² Социологическая энциклопедия : В 2 т. Т.1/Национальный общественно-научный фонд/Руководитель научного проекта Г.Ю.Семигин; Главный редактор В.Н.Иванов. – М.:Мысль, 2003. – СС.286

понимания мира (или какой-то его части)"¹. Одним из возможных теоретико-методологических подходов к процедуре дискурс-анализа является, так называемый критический дискурс-анализ, в рамках которого исследователь признает, что дискурс не только конструирует социальную и политическую реальность (в том числе и идентичность, как ее часть), но в то же время находится под воздействием недискурсивных факторов: политических, социальных, экономических и т.п.².

Источником дискурс-информации были выбраны СМИ. Они несколько искажают реальный дискурс, но популярность определенного источника информации дает основания предположить, что он адекватно *отражает* взгляды, стереотипы и дискурсивную практику своей аудитории и обладает достаточным авторитетом, чтобы их *формировать*. По критерию популярности (на основе соц.опросов³) были отобраны: транскрипты новостей и общественно-политических программ Первого канала и канала "Россия", а также материалы газет "Аргументы и факты" и "Комсомольская правда". Для того, чтобы определить, в каких случаях образ другого формировался под влиянием дискурсивных изменений, а когда сам выступал источником этих изменений результаты дискурс-анализа дополнялись и верифицировались данными репрезентативных социологических опросов (в основном, автор опирался на данные ФОМ).

Процедура исследования представляла собой анализ публикаций в вышеуказанных источниках на социально-экономическую и политическую темы (частично также брались социально-бытовые публикации). Материалы анализировались в совокупности за 4 месяца каждого года с 2000 по 2008 год включительно (февраль, апрель, июль, октябрь). Выборка формировалась таким образом, чтобы избежать событийных искажений дискурса.

Результаты исследования показали наличие и внешних, и внутренних "других".

Значимые "Другие" в дискурсе российского общества

Внешним "значимым другим" является Запад в широком его понимании. Запад в течение достаточно длительного времени и в практической политике и в общественно-политическом дискурсе выступал как объект для конфронтации и противопоставления. 90-е годы, как своеобразный период оттепели привели к смене акцентов и Запад, не переставая быть в общественно-политическом дискурсе в роли "другого", стал объектом для подражания. Схожие трансформации происходили и в общественном сознании. Это обусловило достаточно значительные расхождения между образом Запада в дискурсе

¹ М.Йоргенсен, Л.Филлипс Дискурс-анализ. Теория и метод/ Пер. с англ. – 2-е изд., испр. – Х.: Изд-во "Гуманитарный центр", 2008 – с. 18

² Там же с.108-114

³ ФОМ "СМИ: предпочитаемые каналы информации". Режим доступа: http://bd.fom.ru/report/cat/smi/smi_rei/d073121

СМИ, оценкой обществом отношений РФ и Запада и общественным мнением по вопросу выстраивания отношений со странами Запада.

Чаще всего в дискурсе СМИ Запад предстает как некий однородный коллективный субъект. Наиболее частотными в СМИ за анализируемый период являлись обороты "Запад решил", "Запад хочет" и т.п. Также нередко "Запад" предстает в со- и противопоставительном контексте. В большинстве подобных материалов (если иное не предполагается по сюжету) также отсутствует указание на конкретные страны, заменяемое оборотом "страны Запада" или "на Западе", в некоторых случаях конкретные данные по конкретным странам даются, но отдельно от основного текста, в инфографике. Характерно, что если образ жизни Запада зачастую преподносится как лучший, по сравнению с российским, то действия Запада как коллективного субъекта зачастую позиционируются как враждебные по отношению к РФ.

Иногда Запад конкретизируется до США, при этом ЕС, как "другой" отдельно от США не выводится. Вообще образ США, как "другого", можно рассматривать как в общей связке с Западом, так и вне ее. Америка, как самостоятельный объект, в российском общественно-политическом дискурсе предстает как классический "другой" - к ней явно выраженное повышенное внимание СМИ, она является частым объектом для сравнения с Россией. Сравнение чаще всего происходит не людей ("россиянин-американец"), а государств, иногда – сравниваются политические лидеры. Такое обобщенно-обезличенное сравнение подчеркивает значение Америки как "другого" и как (равно как и в случае с Западом в целом) – коллективного субъекта. В отличие от Запада в целом, сравнения России и Америки в СМИ приводятся даже тогда, когда подобное сравнение не совсем методологически оправдано. По нашему мнению, это является отголоском советского дискурса холодной войны.

Сложносоставность и внутренняя противоречивость Запада, как "другого" ярко проявляется при оценке обществом внешней политики РФ. Страны Запада в широком смысле этого слова, за исключением Германии, практически никогда не называются в числе "друзей России"¹. Также в разные годы от 44 до 75% (пик – август 2008г) респондентов характеризовали отношения РФ и США как недружественные². Но в то же время постоянное внимание к Западу в целом и США в частности способствуют тому, что в общественном мнении наблюдается периодически возрастающая потребность в сближении с данными "другими". Так до 2005г. от 50% респондентов считали, что РФ

¹ Например см. Внешняя политика России (2006г.) Режим доступа: http://bd.fom.ru/report/cat/inter_pol/fre_an/dd063924 или Самые ценные партнеры России: обыденные представления (2009 год) Режим доступа: <http://bd.fom.ru/pdf/d27partross.pdf>

² ФОМ Отношения россиян к Америке Режим доступа: http://bd.fom.ru/report/cat/inter_pol/_west_rel/Russia_USA/d083523

должна стремиться в ЕС (к сентябрю 2008 число сторонников снизилось до 30%)¹. А с 2002 по 2009 год (за исключением замера в феврале 2005) большинство опрошенных ФОМом респондентов считало, что отношения РФ и США должны стать более близкими². Подобное стремление не является парадоксальным, так как, как было отмечено выше, могут существовать различные стратегии взаимодействия с "другими", в том числе и сотрудничество с ними.

К внешним "другим", выводимым в дискурсе СМИ и присутствующим общественном сознании относится и часть бывших республик СССР. В отличие от США и стран Запада, большинство республик СССР воспринимаются не как однозначно внешние "другие", а как своего рода маргиналы и чужаки, уже не принадлежащие к "нам", но еще не принадлежащие к "ним"³. Однако такой образ в дискурсе формировался постепенно. В материалах, датируемых 2000-02 гг., "другими" предстают страны Прибалтики. В отличие от стран Запада в широком их понимании, Прибалтика практически не выводится в качестве равнозначного объекта сравнения с Россией. Чаще всего сюжеты, связанные с политикой Литвы, Латвии и Эстонии (в особенности двух последних стран) носят характер критики с позиции сильного. Это подчеркивается за счет постоянного напоминания о разнице в положении стран: всегда независимая Россия и постоянно зависимая (то от России, то от Запада) Прибалтика – упоре на несамостоятельный внешне- и внутривнутриполитический курс прибалтийских властей. При описании особенно громких скандалов (вокруг отмены русского языка в школах Латвии или истории с "Бронзовым солдатом" в Эстонии) журналисты часто прямо или косвенно обращались к сюжету известной басни Крылова "Слон и моська". Таким образом, Прибалтика, как "другой" предстает в общественно-политическом дискурсе как некий коллективный субъект (без разделения позиций власти и населения), носящий явно подчиненный характер, основной детерминантой поведения которого является месть и обида. Соответственно, в критической ситуации общественное мнение в большинстве своем поддерживает активную политику в отношении данных стран, в частности санкции, публичное осуждение и другие действия, направленные на принуждение. Так, в 2007 году по данным ФОМ, 54% респондентов выступали за применение санкций в отношении Эстонии по причине переноса памятника "Бронзовому солдату" (против – 20%, затруднилось с ответом – 16%)⁴.

¹ ФОМ Россия и Евросоюз Режим доступа: http://bd.fom.ru/report/cat/inter_pol/fre_an/d083622

² ФОМ Российско-американские отношения. Режим доступа: <http://bd.fom.ru/pdf/d260tn.pdf>

³ Разницу между понятиями "другой" и "чужак" см. в Баньковская С. Другой как элементарное понятие социальной онтологии // Социологическое обозрение т.6 № 1 2007, с.75-87

⁴ ФОМ Отношения к событиям в Эстонии. Режим доступа: http://bd.fom.ru/report/cat/inter_pol/count/_Estony/d071910

Если репрезентация стран Балтии, как "других" для общественно-политического дискурса была характерна на протяжении всего анализируемого периода, то Украина и Грузия, которые в настоящий момент также репрезентируются и воспринимаются как "другие"/чужаки, выводятся таковыми в дискурсе приблизительно с 2003-04 гг. Репрезентация этих двух государств имеет свою специфику. Во-первых, по отношению к Грузии и Украине дискурс СМИ был формирующим, т.е. негативная репрезентация в СМИ началась раньше, чем формирование негативного отношения в обществе. Во-вторых, если страны Балтии репрезентируются как монолитные коллективные субъекты, то при описании положения в Грузии и, в особенности, на Украине происходит достаточно четкое разделение между позицией властей и позицией рядовых граждан. В частности, большинство респондентов характеризовало отношения РФ и Грузии как плохие, при этом свое личное отношение к грузинам большинство называло "хорошим" и "безразличным"¹.

Активная репрезентация Украины как "другого" в СМИ шла с 2004г., при этом о закреплении в общественном сознании данного образа можно говорить лишь с конца 2005 – начала 2006 года – именно с этого времени негативное отношение к Украине фиксируется соц. опросами. И общественное мнение, и общественно-политический дискурс имеют однозначно негативную установку по отношению к политикам двух стран (Украины и Грузии). Причем, применительно к Украине, отношение россиян к Януковичу находится приблизительно на том же уровне, что и к Ющенко и Тимошенко². Газеты часто используют оборот: *"в то время как политики делают [...] страдают простые граждане"*. Таким образом, на дискурсивном уровне подчеркиваются различия между чуждыми как России, так и данным государствам политиками, которые, чаще всего предстают действующими либо в интересах Запада, либо в своих собственных и обычных гражданами, "такими, же как и мы". То есть в данном случае, "Другими" для российской идентичности выступают не столько страны, сколько конкретные политические режимы и лидеры данных стран.

Вместе с тем, необходимо отметить, что чувство общности с украинцами и грузинами, если судить по данным соцопросов ослабевает с уменьшением возраста респондентов. Так, если в возрастной группе от 55 лет большинство респондентов при определении своего отношения к Украине и Грузии высказывали четкую позицию (определяли свое отношение как позитивное или негативное, чаще всего давая позитивную оценку). Среди возрастной группы 18-35 лет большинство респондентов

¹ ФОМ Российско-грузинские отношения Режим доступа: http://bd.fom.ru/report/cat/inter_pol/count_/georgia/d082922

² ФОМ События на Украине Режим доступа: http://bd.fom.ru/report/cat/inter_pol/count_/Ukraine/d083721

определяло свое отношение к данным странам как "безразличное" или затруднялось с ответом¹.

Таким образом, анализируя репрезентацию внешних "других" в российском общественно-политическом дискурсе можно увидеть, что они предстают в виде обезличенных коллективных субъектов, которые проявляют враждебное или нейтральное отношение к России. В качестве наиболее приемлемой стратегии взаимодействия выводится либо противостояние на равных (с Западом и США), либо диалог с позиции сильного (со странами Балтии, Грузией, Украиной). В данном случае образ "сильной России", выводимый в общественно-политическом дискурсе с высокой долей вероятности был формирующим общественное мнение. С 1996 года по 2008 на 39% увеличилась доля тех, кто считает, что Россию можно назвать великой державой², также растет число тех, кто считают, что Россию в мире уважают, считают развитой и передовой и главное, что ее в мире боятся (в 2007 году так считало 62%, в 2008 – 66%)³. Абсолютное большинство опрошенных (82%) считает, что Россия должна стремиться к тому, чтобы стать самой влиятельной страной в мире.⁴ При этом, надо отметить достаточно низкую уверенность в союзниках России за рубежом (47% считают что они есть, 32% - нет, 21% затрудняется с ответом)⁵ и в их определении. Во многом такая неопределенность связана с тем, что в общественно-политическом дискурсе практически полностью отсутствует "другой", как союзник действующий или потенциальный.

В российском общественно-политическом дискурсе присутствуют и "внутренние другие", т.е. те, кто фактически являются частью внутреннего социального и политического пространства, но при этом воспринимаются как чужеродные, по отношению к данному пространству элементы. Как "внутренний другой" выступают прежде всего "чиновники и бюрократы", а иногда и шире - "власть". Наиболее часто манифестация такого различия в дискурсе происходит посредством сравнения результатом которого становится выявление огромной разницы в положении населения и чиновников. Также весьма частым является репрезентация чиновников, как источников сложностей в жизни обычных граждан. Данный образ оставался неизменным на протяжении всего анализируемого периода, за исключением того, что в конце 2000 – начале 2001 г. (т.е. к концу первого года президентского срока), В.В. Путин был

¹ Там же

² ФОМ Международное положение России и задачи российской внешней политики. Режим доступа: http://bd.fom.ru/report/cat/mesto_v_mire/d083422

³ ФОМ Как относятся к России в мире Режим доступа: http://bd.fom.ru/report/cat/mesto_v_mire/d082521

⁴ ФОМ Международное положение России и задачи российской внешней политики. Режим доступа: http://bd.fom.ru/report/cat/mesto_v_mire/d083422

⁵ Там же

"выведен" из коллективного обезличенного образа и стал восприниматься как фигура, отдельная от властных институтов. Такое исключенное восприятие Путина объясняет стабильно высокое доверие ему лично при в целом низком рейтинге доверия правительству и другим властным институтам¹.

Важно также отметить, что репрезентация чиновников как "внутреннего другого" в противопоставлении с президентской властью поддерживается как СМИ (например с помощью таких оборотов как *"президент борется с коррупцией чиновников"*, *"президент призвал чиновников к..."* и т.п.), так и сама верховная власть. В своих заявлениях и Путин, и Медведев достаточно часто указывают на действия чиновников, как на что-то, что является в целом чужеродным элементом системы госвласти и к чему власть отношения не имеет.

Если говорить о репрезентации "власти" в целом, как "внутреннего другого", то такой дискурс более характерен для представителей оппозиционных сил, однако при обострении социальной напряженности линия противопоставления в дискурсе СМИ проходит именно между властью и обществом. В частности такая репрезентация "власти" была характерна при описании последствий монетизации льгот. Пока нет оснований утверждать, что общество строит свою идентичность через противопоставление власти – это бы значило полную делегитимизацию. Но восприятие власти как "другого" демонстрирует наличие в обществе протестного потенциала.

В ходе исследования был выявлен еще один значимый внутренний "разлом" - разделение по линии "богатые и бедные". Под богатыми подразумеваются те, чьи доходы сильно превышают среднестатистические, при этом образ "олигарха" был постепенно, но не полностью вытеснен образом "чиновника-коррупционера". Это вытеснение произошло в 2004-2005 гг. оно стало возможным благодаря тому, что СМИ в большей степени стали концентрировать внимание на бизнесе олигархов, нежели на их личных тратах и политических амбициях. И хотя в целом негативная репрезентация олигархов несколько уменьшилась, в общественно-политическом дискурсе они сохраняют позицию "других".

Также "внутренним другим" по отношению к регионам выступает Москва. Противопоставление проходит главным образом по социально-экономическим признакам. Москва в дискурсе СМИ предстает как своего рода "малый Запад", являющийся с одной стороны городом, оторванным от жизни и реалий других регионов, с другой примером для подражания в плане социального и экономического обеспечения и реализации собственных амбиций. В 2008 году автор проводил исследование репрезентации образа

¹ ФОМ Политические индикаторы Режим доступа:
http://bd.fom.ru/report/cat/power/pow_gov/premier_putin/d090302

Москвы и москвичей в региональной прессе¹, там разлом "Москва-регионы" прослеживается более явно, чем в анализируемой федеральной прессе (где этот образ тоже присутствует): в целом можно выделить 3 основных образа москвичей, как "внутренних других": москвичи-экспансионисты, москвичи-гости, москвичи-партнеры. Причем, если при репрезентации образа партнеров используются конкретизирующие слова: "предприниматели", "бизнесмены", "общественные деятели", "актеры" и т.п., то в репрезентации образа гостей и в особенности экспансионистов категория "москвичи" зачастую используется без уточнений. Это особенно принципиально в случае, когда в СМИ описывается какой-либо конфликт с участием московских бизнесменов. В данном случае и автору, и читателю очевидно, что речь идет о конкретных представителях бизнеса, но в то же время используется достаточно абстрактное определение, способное сформировать негативную установку по отношению к москвичам в целом.

Если говорить о качествах, выделяемых СМИ в москвичах, то можно отметить, что наиболее часто подчеркиваются с одной стороны предприимчивость, инновационность, с другой стороны нежелание вникать в специфику региона, экспансионизм, завышенные требования к экономическим благам.

Москва в СМИ других регионов также достаточно часто предстает в проблематизированном контексте. В первую очередь как коллективный субъект управления "*Москва постановила*", "*Москва решила*", "*Москва планирует*", причем, часто при помощи таких сочетаний подчеркивается сторонний по отношению к управляемому характер управляющего. Из дискурса федеральных СМИ не следует, что для москвичей жители иных регионов являются значимыми "другими", но результаты соц. опросов демонстрируют, что москвичи также противопоставляют и противопоставляются жителям других регионов², что однако не дает оснований для утверждения, что идентичность москвичей основана на противопоставлении с остальной Россией.

Выводы

Дискурс наиболее популярных федеральных СМИ в целом соотносится с общественными настроениями и позволяет сделать выводы о текущем состоянии российской идентичности.

Первое, что можно сказать, о репрезентации образа "другого" (как внешнего, так и внутреннего), это ее явное акцентирование на противопоставлении. Таким образом,

¹ Более подробное описание исследования и его результатов см. Крестинина Е.С. Москвич, как "внутренний другой": репрезентация образов Москвы и москвичей в СМИ других регионов. Дневник Алтайской школы политических исследований. №24. Современная Россия и мир: альтернативы развития (роль российских регионов в формировании имиджа страны) : материалы международной научно-практической конференции / под ред. Ю.Г. Чернышова. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2008. с. 35-38

² ФОМ Москва и москвичи Режим доступа: http://bd.fom.ru/report/cat/reg_ros/mos/d073622

имеет место односторонняя, не объективная репрезентация "другого", что ведет к тому, что идентичность строится на стремлении закрыться от внешнего мира, с одной стороны, и противопоставить себя ему, возвысившись над ним с другой. Такого рода идентичность не способствует эффективной интеграции коммуникации.

Репрезентация "внешнего другого", как коллективного субъекта, подчеркивает и усиливает его стереотипное восприятие. Так как только заострение внимания на частностях, нетипичности способно сломить предубеждение относительно ранее незнакомого явления. Разница в уровне осведомленности о странах Запада и бывших советских республиках ведет к тому, что при одинаковой в целом репрезентации в СМИ, к странам бывшего СССР личное отношение у граждан менее подвержено влиянию стереотипов и, как правило, более позитивное, чем отношение к политике, проводимой этими государствами.

Наличие "внутренних других" свидетельствует о серьезном расколе российского общества. Более того, тот факт, что внутренними другими выступают представители власти и жители столичного региона говорит о серьезных социальных и политических проблемах и высоком уровне протестного потенциала. Это особенно важно, так как в настоящее время страна находится под влиянием кризисных тенденций, когда отсутствие внутреннего единства способно стать одним из препятствий на пути выхода из кризиса. А при сохранении существующей экономической ситуации разлом может еще более усилиться, что может привести к протесту и конфликту. В любом случае, наличие значимых "внутренних других" является серьезным препятствием на пути формирования общегосударственно политической идентичности.

Отсутствие сложившейся общегосударственной идентичности пока компенсируется за счет, во-первых, высокой мобилизации при взаимодействии с "внешним другим" и надеждой на восстановление внешнеполитического могущества. Во-вторых, относительно высоким уровнем доверия лично президенту и премьеру. Однако ни тот, ни другой стабилизирующий фактор не могут бесконечно долго поддерживать единство общества. Соответственно необходимы такие изменения, как в социально-политической практике, так и на дискурсивном уровне, которые вели бы к усилению единства общества на основе позитивной ("за что-либо", на основе общих ценностей), а не негативной ("против чего-либо/кого-либо") мобилизации.